

ВИКТОР НИКОЛАЕВ

ОТ ДЕСТРУКЦИИ К КРИСТАЛЛИЗАЦИИ ДУШИ

ОТ ФРЕЙДА К ШПИЛЬРЕЙН

АРХЕТИПИЧЕСКАЯ МЕТАПСИХОЛОГИЯ

Виктор Николаев От Деструкции к кристаллизации Души (От Фрейда к Шпильрейн)

<https://litres.ru/74300594>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что может связывать самого знаменитого психоаналитика с самым молодым психоаналитиком Венского психоаналитического общества. Фрейд и Шпильрейн!

Оба создали интересные идеи о жизни и смерти. Виктор Николаев ведёт читателя необычным маршрутом — от поставленной Фрейдом проблемы навязчивого повторения к более ранней мысли Сабины Шпильрейн о Деструкции как причине становления, а затем к авторской модели Архетипической Метапсихологии. В ней новая форма жизни возникает не автоматически: её проектирует Зодчий, выверяют Вертикаль и Мера, строит поступками Следоход, а свободный Другой-Попутчик откликается. Только проверенная отношениями, поступками, временем и последствиями способность судьбы кристаллизуется в Душе. Отдельная глава о Льве Толстом испытывает эту модель вопросами

совершенства, смерти и бессмертия. Книга адресована психологам, психотерапевтам, супервизорам, студентам и читателям, которые хотят понимать жизненные кризисы без романтизации страдания и разобраться в своей судьбе!

Содержание

Аннотация	6
Предисловие автора	7
Как читать эту книгу	10
ЧАСТЬ I. ПРОБЛЕМА НАВЯЗЧИВОГО ПОВТОРЕНИЯ: ЧТО УСЛЫШАЛ ФРЕЙД	12
Глава 1. Введение. Главный вопрос книги	13
Глава 2. Предел принципа удовольствия	18
Глава 3. Травмирующее сновидение	23
Глава 4. Fort/Da: исчезновение и возвращение	27
Глава 5. Принуждение к повторению	32
Глава 6. Гипотеза влечения к смерти	37
Глава 7. Четыре слова, которые путать нельзя	42
ЧАСТЬ II. ДЕСТРУКЦИЯ КАК ПРИЧИНА СТАНОВЛЕНИЯ: ЧТО УВИДЕЛА ШПИЛЬРЕЙН	48
Глава 8. Самостоятельность Сабины	49
Шпильрейн	
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Виктор Николаев
От Деструкции к
кристаллизации Души (От
Фрейда к Шпильрейн)

ВИКТОР НИКОЛАЕВ
ОТ ДЕСТРУКЦИИ

К КРИСТАЛЛИЗАЦИИ ДУШИ

От Фрейда к Шпильрейн

АРХЕТИПИЧЕСКАЯ МЕТАПСИХОЛОГИЯ

Аннотация

Что, если разрушение — не конец, а освобождение возможностей? Виктор Николаев ведёт читателя необычным маршрутом — от поставленной Фрейдом проблемы навязчивого повторения к более ранней мысли Сабины Шпильрейн о Деструкции как причине становления, а затем к авторской модели Архетипической Метапсихологии. В ней новая форма жизни возникает не автоматически: её проектирует Зодчий, выверяют Вертикаль и Мера, строит поступками Следоход, а свободный Другой-Попутчик отвечает из собственной Психической Реальности. Только проверенная отношениями, поступками, временем и последствиями способность судьбы кристаллизуется в Душе. Отдельная глава о Льве Толстом испытывает эту модель вопросами совершенства, смерти и бессмертия. Книга адресована психологам, психотерапевтам, супервизорам, студентам и читателям, которые хотят понимать жизненные кризисы без романтизации страдания и надежду без обещаний лёгкого чуда.

© Виктор Николаев

Авторская модель: Архетипическая Метапсихология.

Предисловие автора

Я долго не решался писать эту книгу, потому что тема её обманчиво проста и оттого опасна. Стоит произнести слово «разрушение» — и слушатели делятся на два лагеря. Одни пугаются и защищаются: не надо трогать то, что пока молчит. Другие воодушевляются слишком быстро: раз всё рушится, значит, скоро будет свобода. Оба лагеря ошибаются. Разрушение само по себе не приводит ни к гибели, ни к свободе. Оно даёт только возможность — краткий, ничем не гарантированный период-зазор, в котором можно строить, но пока ничего не построено.

Меня всю профессиональную жизнь занимал один сюжет: человек, чья прежняя жизнь перестала его воодушевлять, а новая ещё не началась. Не больной и не здоровый, не мёртвый и не воскресший — человек в промежутке-пустоте. Классический психоанализ дал этому промежутку тревожные имена: навязчивое повторение, влечение к смерти. Я не спорю с Фрейдом — я иду за ним до той точки, где он остановился, и делаю следующий шаг, опираясь на идеи землячки-психоаналитика, которая сделала этот шаг раньше и тише, — на Сабину Шпильрейн.

Эта книга — не история идей и не учебник психоанализа. Это описание модели — Архетипической Метапсихологии, — которую я строил годами и которую здесь впервые изла-

гаю единой линией от распада психической формы до создания Души. Я старался соблюдать три вещи:

не приписывать Фрейду того, чего он не говорил;

не превращать Шпильрейн в чью-то предшественницу; и

не выдавать красивую метафору за доказанный факт.

Там, где я реконструирую чужую мысль, я так и пишу: это реконструкция.

В начале профессионального пути Сабину Шпильрейн дважды постигли неудачи. В 1911 году, будучи 26-летней молодой женщиной, она прочитала доклад «О трансформации» в Венском психоаналитическом обществе (WPV). Доклад вызвал резкую критику: он не только не был напечатан, но и оказался почти стёрт с лица истории. Попытка Юнга поддержать Сабину и опубликовать часть доклада в виде статьи о Деструкции в психоаналитическом журнале (1912) не принесла лучшего результата. По-видимому, именно тогда Шпильрейн решила, что её абстрактные идеи трудны для понимания, и отправилась учиться в Мюнхенскую академию живописи, чтобы посредством красочных схем — сегодняшней инфографики — сделать непривычный материал более доступным. Следуя этой логике и посоветовавшись с ChatGPT, я решил включить в книгу больше иллюстраций. А вдруг Шпильрейн права и для понимания её идей иллюстрации придутся как нельзя кстати!

И ещё одно, самое важное, ради чего всё написано. Я не романтизирую страдания. Они не делают человека лучше са-

ми по себе — они делают его только беднее. Растить начинает не тот, кто потерял, а тот, кто при потере сумел спроектировать и построить что-то ценное. Об этом — вся книга.

В. Н.

Как читать эту книгу

В книге звучат три различных голоса:

первоисточник: положения Фрейда, Шпильрейн и Толстого передаются в пределах того, что можно подтвердить их текстами.

реконструкция: авторский способ продолжить вопрос классика; такие переходы прямо обозначаются как прочтение или гипотеза.

Архетипическая Метapsихология (АМ), авторская модель Виктора Николаева. Её понятия невозможно приписать Фрейду, Шпильрейн или Толстому.

Это различие необходимо не только ради исторической точности. Оно позволяет увидеть, где заканчивается описание навязчивого повторения и распада, где появляется идея становления, а где начинается собственно архитектура АМ. В ней выделяются две бессознательные сферы психики — Оно и Сверх-Я — и Предсознательная сфера Я. Это авторское переосмысление опирается на фрейдовские модели, но не совпадает с ними. Собственно авторскими понятиями являются проект Зодчего, выбор Следохода, свободный ответ Попутчика и кристаллизация проверенных способностей в Душе.

Основной маршрут книги таков: Деструкция освобождает судьбоносную возможность → Возрождение возвраща-

ет жизнь → Трансформация создаёт новую форму судьбы
→ Совершенствование делает форму устойчивой способно-
стью → кристаллизация сохраняет эту способность в Душе.

ЧАСТЬ I. ПРОБЛЕМА НАВЯЗЧИВОГО ПОВТОРЕНИЯ: ЧТО УСЛЫШАЛ ФРЕЙД

Увидеть предел теории — значит сохранить её силу и приступить к разрешению её проблем.

Глава 1. Введение.

Главный вопрос книги

Представьте человека, который выжил в катастрофе. Тело спасено, дом восстановлен, близкие рядом. Но каждую ночь он возвращается туда, откуда чудом вышел живым: сон с точностью хроники помещает его обратно в горящий вагон, в тонущую машину, в комнату, где прозвучал выстрел. Утром сновидец просыпается разбитым и не понимает, зачем психика творит это с ним снова и снова. Ведь если сон — исполнение желания, как учил ранний психоанализ, то какое желание реализует этот сон? Кто хочет так страдать?

Описание иллюстрации: Следоход стоит перед открывающимся Будущим, тогда как распадается только исчерпанная Форма.

С этого недоумения начинается наша книга, потому что именно с него начинается самый смелый и самый спорный текст Зигмунда Фрейда — «По ту сторону принципа удовольствия» (1920). До этой книжки Фрейда психоанализ уверенно стоял на прочной опоре: психика стремится к наслаждению и избегает страданий. Всё, что мы делаем, в конечном счёте служит разрядке напряжения. Красивая, экономная теория. И вот сам её создатель признаёт: есть явления, которые в неё не укладываются. Травмирующий сон, воспроизводящий прежний ужас. Ребёнок, снова и снова разыгрывающий уход матери. Пациент, который в кабинете психотерапевта с фатальной точностью эмоционально воспроизводит пережитое тяжёлое страдание, вместо того чтобы его ярко припомнить и проработать. Человек, который «почему-то» третий раз в жизни попадает в один и тот же тупик отношений, будто судьбу заело, как старую пластинку.

Фрейд назвал это принуждением к повторению и увидел за ним нечто, лежащее по ту сторону принципа удовольствия — глубже и древнее. Отсюда он сделал рискованный шаг: предположил существование влечения к смерти, консервативной силы, которая тянет всё живое к покою неживого, к

возвращению в прежнее, в конечном счёте — в неорганическое состояние.

Я отношусь к этому шагу с уважением и с несогласием одновременно. С уважением — потому что Фрейд честно пошёл туда, куда его завели исследования и пациенты, а не отступил ради стройности теории. С несогласием — потому что он остановился на диагнозе распада и не задал вопрос, который для меня важнее:

Каким образом распад прежней организации психики способен открыть новую форму жизни?

Фрейд обнаружил в навязчивом повторении смерть. Но повторение бывает и другим — повторением нового, только что найденного действия, тем повторением, которым пианист превращает трудный пассаж в ошеломительное концертное выступление, а ребёнок — шаткие шаги в уверенную походку. Значит, в самом факте никакого намёка на смерть ещё нет. Смерть — в навязчивом повторе того, что исчерпало себя. А если распад исчерпанного может освободить энергию для нового?

Именно так, за восемь лет до статьи Фрейда, рассмотрела разрушение Сабина Шпильрейн. В работе с недвусмысленным названием — «Деструкция как причина становления» (1912) — она написала о том, что распад индивидуальной формы жизни есть обратная сторона рождения, что во влечении к деструкции неразрывно переплетены гибель и созидание. Фрейд знал эту работу и упомянул её в начале

статьи. И тем не менее повёл мысль в другую сторону — к смерти. А можно было — в сторону становления.

Отсюда подзаголовок моей книги: «От Фрейда к Шпильрейн». Он обозначает не хронологию, а маршрут ума. Хронологически Шпильрейн — раньше (1912), Фрейд — позже (1920). Я не скрываю этого и прошу читателя запомнить даты. Но двигаться мы будем обратного ходу времени: от ясно сформулированной Фрейдом проблемы (навязчивое повторение, травмирующий сон, влечение к смерти) — к более ранней, но конструктивно прочитанной идее Шпильрейн (деструкция как условие становления) — и дальше, за пределы обоих подходов, к модели, которую я называю Архетипической Метапсихологией, сокращённо АМ.

В АМ у ключевых слов есть точный смысл, и я введу их постепенно. Но одно определение прозвучит уже сейчас, потому что на нём держится вся книга. Архетип в моей модели — это не образ из коллективного Бессознательного в привычном смысле, а вариант судьбы, позволяющий вернуться в утраченное Будущее. Архетип и влечение здесь — одна и та же онтологическая реальность, взятая с двух сторон: как сила, которая толкает человека жить, и как конкретная форма судьбы, которую человек вынужден выбирать (его мы будем называть Следоходом). Влечение-Архетип несёт в себе замысел о Будущем и пытается его осуществить.

И ещё одно слово нужно услышать заранее — оно даст книге её последнюю ноту. Деструкция освобождает новые

возможности. Возрождение возвращает жизнь. Трансформация создаёт новую форму судьбы. Совершенствование делает форму устойчивой обрётённой способностью. Кристаллизация сохраняет способность в Душе. Это и есть маршрут всей книги в одной фразе; к каждому её звену мы придём в свой час.

Но чтобы имя «Деструкция» не слилось с бытовым понятием «разрушения», а «влечение к смерти» не показалось модным пессимизмом, нужно сначала пройти путём Фрейда — медленно, шаг за шагом, до самого его предела. Туда, где кончается власть удовольствия.

Глава 2. Предел принципа удовольствия

Всякая большая теория начинается как освобождение, как прорыв и заканчивается как граница. Принцип удовольствия был для раннего психоанализа освобождением. Он позволил объяснить поразительно многое одним экономическим подходом: психический аппарат стремится удерживать количество возбуждения на возможно низком или хотя бы постоянном уровне. Всё, что повышает напряжение, переживается как неудовольствие; а всё, что его разряжает, — как наслаждение. Симптом, оговорка, сновидение, шутка — все эти разнородные явления Фрейд свёл к общему знаменателю: за каждым стоит подавленное желание, ищущее окольного пути к разрядке.

Описание иллюстрации: Модель психической реальности: историческая схема Фрейда.

Здесь важно быть точным, чтобы не приписать Фрейду наивности, которой у него никогда не было. Он с самого начала знал, что принцип удовольствия не правит психикой безраздельно. Ему противостоит принцип реальности — не отмена стремления к удовольствию, а его отсрочка или смещение: психика учится выдерживать напряжение, обходить прямой путь, откладывая разрядку ради того, чтобы получить её вернее и безопаснее. Взрослость в этом смысле есть искусство отсрочки. Но — и это решающая оговорка — принцип реальности служит тому же господину. Он отодвигает удовольствие, чтобы в итоге его добыть. Он тактик на службе у

той же стратегии наслаждения. Поэтому, пока в поле зрения только удовольствие и реальность, никакого «по ту сторону» ещё нет: есть прямой путь и обходной путь, но цель одна.

Трещина появляется там, где обнаруживается страдание, которое не служит никакому удовольствию — ни прямому, ни отсроченному. Не жертва ради большего блага, не боль лечения ради здоровья, а повторение страдания, от которого никакой выгоды. Фрейд встретил такое страдание не в кабинете философа, а в трёх совершенно конкретных местах, и каждое из них было для него слишком весомым, чтобы отмахнуться:

военный невроз. Первая мировая вернула из окопов тысячи людей, чья психика была цела в анатомическом смысле и разрушена в человеческом. Их сны не исполняли желаний. Их сны возвращали в тот самый момент, который они бы никогда не хотели испытать заново. Теория, по которой сновидение есть замаскированное исполнение желания, здесь буксовала на ровном месте: какое желание исполняет солдат, каждую ночь заново переживающий взрыв, засыпавший его землёй?

детская игра, которую Фрейд наблюдал вблизи, в собственной семье, и о которой мы будем говорить в отдельной главе. Внук по своей воле, снова и снова, разыгрывал самое неприятное для себя событие — уход матери на какой-то час, — хотя никто его к этому не принуждал и удовольствия у него от исчезновении матери не было.

и для нас самое важное, — *аналитический перенос*. Пациент, вместо того чтобы ярко вспомнить вытесненное событие как Прошлое, воспроизводит его как Настоящее: заново влюблялся не в того, заново выстраивал с аналитиком ту же ловушку, в которой когда-то попался в отношениях с отцом или матерью. Пациент не рассказывал старую драму — он эмоционально воспроизводит её заново, с новым составом, но по прежнему сценарию, и страдал по-настоящему.

Три этих факта роднит одно: в них психика упорно возвращается к неприятному. Не к запретно-желанному, замаскированному под неприятное, — а именно к тяжёлому, к разрушительному, к тому, что ей самой во вред. И если удовольствие правит психикой, то откуда эта верность пережитому страданию?

Позиция Фрейда здесь ещё осторожна. Он не спешит с выводом. Он лишь фиксирует: есть класс явлений, где повторение неприятного нельзя объяснить стремлением к удовольствию, и, значит, в психике действует нечто более первичное, чем принцип удовольствия, нечто, с чем этот принцип не справляется. Слова «влечение к смерти» ещё не произнесены.

Фрейд здесь нащупал предел прежней формы (ограниченность наслаждением). Психика, о которой идёт речь, продолжает быть в бою — она заперта в исчерпавшей себя организации войны, которая когда-то была спасением, а теперь стала устоявшейся мучительной колеей. То, что Фрейд услы-

шал, как анти-влечение, я рассмотрю позже, как признак истощившей себя Формы, которая уже не справляется с новой ситуацией, но и не пытается самоустраниться. Но чтобы моё прочтение не было голословным, надо пройти путём Фрейда до конца.

Пока запомним итог этой главы. Принцип удовольствия не отменяется — он ограничивается. Есть область, лежащая за его чертой, и вход в неё Фрейду открыло сновидение, которое повторяет страдание. С него и начнём.

Глава 3. Травмирующее сновидение

Ни одно явление не расшатало прежнюю теорию так сильно, как сон, возвращающий беду. Чтобы почувствовать масштаб проблемы, надо вспомнить, чем было сновидение для раннего психоанализа. Оно было царской дорогой к Бессознательному и одновременно — исполнением желания. Даже страшный сон, учил Фрейд в «Толковании сновидений», при верном разборе оказывается замаскированным удовлетворением вытесненного влечения: работа сновидения искажает, смещает, сгущает — но в основе лежит желание, которое хочет сбыться хотя бы во сне.

Описание иллюстрации: повторение Прошлого замыкается в круг, прозрачная Форма достигает предела, Следоход остаётся невредимым, а путь в Будущее виден, но ещё не создан.

И вот перед Фрейдом сны, к которым этот ключ не подходит. Сон человека с травмирующим неврозом не искажает и не маскирует. Он воспроизводит. Он с почти документальной верностью возвращает сновидца в ситуацию ужаса — и пробуждает его в тот же миг. Здесь нет обходного пути к удовольствию, нет исполнения желания даже в самой изощрённой расшифровке. Есть повторение травмы как таковой.

Фрейд не стал спасать теорию игнорированием факта — и в этом его величие. Он предложил объяснение, которое выводило травмирующий сон из-под юрисдикции принципа удовольствия. Смысл его рассуждения можно передать так. Психический аппарат защищён от внешнего мира своего рода оболочкой, преградой против чрезмерных раздражений. Травма — это прорыв этой преграды: возбуждение врывается внутрь в количестве, с которым психика не справляется, и не потому, что содержание страшно, а потому, что его слишком много и оно пришло внезапно. Решающим оказывается испуг — состояние, к которому человек не был готов, для которого не было тревоги-предчувствия, заранее выставившей защиту.

И тогда навязчивое возвращение сна получает неожидан-

ный смысл. Психика повторяет ужас не для удовольствия, а чтобы задним числом справиться с тем, к чему не была готова. Она отматывает плёнку назад, к точке разрыва, и пытается на этот раз преодолеть ту тревогу, ту готовность, которой не хватило в роковой миг. Сон как бы говорит: дай мне ещё раз оказаться там, но теперь ожидая удара, — потому что не сам удар сломал меня, а его внезапность. Это уже не исполнение желания. Это работа связывания нахлынувшего возбуждения, работа более древняя и более настоятельная, чем поиск удовольствия.

Вот отчего Фрейд заключает: раз психика способна на такое повторение помимо принципа удовольствия и даже вопреки ему, значит, в ней действует тенденция, этому принципу предшествующая. Не выше, а раньше. Не совершеннее, а первичнее.

Именно здесь начинается расхождение маршрутов.

Позиция Фрейда: травмирующий сон служит запоздалому овладению чрезмерным возбуждением; повторение здесь — попытка связать неусвоенное. Это уже намёк на нечто «по ту сторону», но ещё не влечение к смерти.

Моя реконструкция в терминах, к которым мы придём: травмирующий сон обнажает предел Формы. Прежняя психическая организация человека не рассчитана на это событие и эту внезапность; в точке прорыва она перестаёт справляться, и энергия, которую она удерживала, переходит все границы. Но — и это принципиально — сам по себе прорыв

ещё ничего не строит. Он лишь показывает, что старая форма исчерпала себя.

И тут я обязан провести черту, которая будет проходить через всю книгу. Травмирующее сновидение, рассматриваемое Фрейдом, и сновидение как репетиция Будущего в АМ — не одно и то же. У Фрейда сон повторяет Прошлое, чтобы задним числом с ним справиться, — его вектор обращён назад. В моей модели, о которой подробно пойдёт речь в двадцать первой главе, сновидение обращено вперёд: оно есть репетиция Будущего, внутреннее рассмотрение ещё не совершённого поступка, а образы Прошлого — не возвращение былых объектов, а материал для будущего проекта. Эти два подхода не противоречат друг другу, если помнить, что они описывают разные состояния психики. Травмирующий сон — это сон психики, застрявшей на пределе исчерпанной формы, ещё не начавшей строить. Сновидение-репетиция — это сон психики, которая уже вступила в работу созидания. Первое — симптом; второе — инструмент. Между ними лежит весь путь книги.

Пока же удержим одно. Существуют сны, которые не исполняют желание, а повторяют страдание. Их наличие доказывает, что за принципом наслаждения есть что-то ещё. Фрейд пойдёт искать это «что-то» — и по дороге заметит ребёнка с катушкой.

Глава 4. Fort/Da: исчезновение и возвращение

Есть в истории психоанализа сцена, которую невозможно забыть, потому что она соединяет теоретическую бездну с вниманием к близким. Полуторогодовалый мальчик, спокойный и привязчивый ребёнок, изобрёл игру. У него была деревянная катушка на нитке. Держа за нитку, он выбрасывал катушку за край занавешенной кровати — так, что она исчезала из виду, — и произносил долгое, протяжное «о-о-о», в котором взрослые угадывали немецкое fort, «прочь», «пошла». Потом он тянул за нитку, катушка появлялась обратно, и он встречал её радостным da, «тут», «здесь». Выбрасывание и возвращение. Прочь и Тут. И так — снова и снова, с явным увлечением, причём первый акт, исчезновение, ребёнок разыгрывал куда старательнее и интенсивнее, чем второй.

снова инсценирует именно неприятное, да ещё и налагает на его самую тяжёлую половину — на исчезновение?

Фрейд предложил объяснение, ставшее классическим, и я передам его смысл своими словами. В реальной разлуке ребёнок пассивен: мать уходит, его не спросив, он лишь терпевает. В игре он становится активным: теперь он сам распоряжается уходом и возвращением матери, он хозяин исчезновения. Пережитое как беспомощность переигрывается как власть. Ребёнок не может удержать мать — но может стать режиссёром её воображаемого отсутствия-присутствия, и в этой перемене ролей, из претерпевающего в действующего, — источник странного удовольствия от неприятной по содержанию игры. К этому Фрейд добавлял и другой мотив: в выбрасывании «прочь» могла разряжаться и обида, мстительный импульс — уходи, я сам тебя прогоняю, мне и без тебя хорошо.

Здесь Фрейд снова видит навязчивое повторение, не служащее прямому удовольствию, и снова связывает его с чем-то более глубоким, чем принцип удовольствия, — с попыткой психики овладеть тем, что её превосходит. Ребёнок не убегает от боли разлуки — он идёт навстречу страданию, но на своих условиях, символически, чтобы им овладеть.

А теперь я остановлюсь и скажу, почему для нашей книги эта маленькая сценка важнее многих больших теорий. В ней впервые в чистом виде показано, что навязчивое повторение бывает не только тяжелейшим переживанием (связан-

ным со смертью), но и психической работой. Тот же самый механизм — навязчивое воспроизведение тяжёлого переживания, — который в травмирующем сне выглядит как тупик, здесь оборачивается первым в жизни человека актом символического овладения утратой. Разница не в механизме, а в его исходе. И это ровно та развилка, ради которой написана вся книга.

Разделю голоса.

Позиция Фрейда: игра fort/da превращает пассивно пережитое страдание в активно управляемое; повторение служит овладению, и это работа, лежащая по ту сторону простого стремления к удовольствию.

Моя реконструкция: в этой игре я вижу зерно того, что позже назову проектом Зодчего. Ребёнок не просто отыгрывает Прошлое — он бессознательно создаёт проект, посредством которого тренирует форму обращения с отсутствием близкого человека, которая пригодится ему в Будущем. Ка тушка на нитке — это одна из первых в его жизни моделей взаимоотношений с матерью, крошечная репетиция того, как преодолевать проблему, когда любимый человек отсутствует. Ребёнок ещё не Следоход (человек, ответственный за реализацию проекта), у него нет ни Вертикали, ни Меры, — но у него уже есть главное: из претерпевания в активное действие, из беспомощности в авторство проекта. А авторство поступка, как мы увидим, — сердцевина всей АМ.

И сразу же — оговорка против соблазна, которого я в этой

книге всё время буду остерегаться. Было бы неверно умилиться и сказать: вот, разлука сделала ребёнка сильнее, страдание позволяет нам расти. Нет. Разлука сама по себе не сделала ничего — всё сделал сам ребёнок. Он изобрёл игру-проект. Он совершил, пусть в младенческом масштабе, творческий акт: взял катушку, привязал нитку, придумал два слова и превратил свою беспомощность в модель взаимоотношений, управляющую жизнью. Важна не утрата — а ответ на утрату. Всякий раз, когда в этой книге зайдёт речь о том, что распад «открывает возможность судьбы», вспоминайте мальчика с катушкой: возможность он получил от разлуки, а форму (проект) — создал сам.

От этой домашней сцены Фрейд пойдёт к куда более мрачному наблюдению — к тому, как взрослые люди всей своей судьбой разыгрывают то, чего никогда не выбирали.

Глава 5. Принуждение к повторению

Ребёнок с катушкой играет час и оставляет игру. А взрослый играет всю жизнь и называет это судьбой. Именно переход от невинного *fort/da* к навязчивому рисунку целой биографии превращает частное наблюдение в тревожный закон. Фрейд назвал этот закон принуждением к повторению (*Wiederholungszwang*) и описал его в нескольких вариантах, каждый из которых стоит рассмотреть отдельно.

Описание иллюстрации: замкнутый круг повторения прежней Формы противопоставлен восходящей спирали повторения нового действия.

Первый вариант — повторение в переносе, уже знакомо нам по второй главе. Пациент, вместо того чтобы ярко и подробно припомнить вытесненное, эмоционально воспроизводит его в отношениях с аналитиком. Он не говорит «в детстве я боялся холодного, требовательного отца» — он превращает аналитика в холодного требовательного отца и заново переживает старый страх как новый и актуальный. Вытесненное не хочет становиться воспоминанием; оно настаивает на том, чтобы заново отыгаться, быть настоящим. Задача анализа как раз и состоит в том, чтобы превратить это разыгрываемое повторение обратно в воспоминание — вернуть Прошлому статус Прошлого.

Второй вариант — повторение в взаимоотношениях и судьбе, и оно производит самое сильное впечатление, потому что видно невооружённым глазом, без всякого кабинета. Фрейд говорит о людях, у которых всё складывается по одному образцу с почти демонической регулярностью. Меценат, которого всякий им благодетельствованный рано или поздно предаёт. Мужчина, чьи романы неизменно проходят одни и те же стадии и одинаково плачевно заканчиваются. Человек, чьи дружбы всегда завершаются одним и тем же разочарованием и разрывом. Внешне, кажется, словно таких людей преследует злой рок, будто судьба гоняет их по кругу. Но психоанализ показывает: этот «рок» люди во многом устраивают себе сами, своими незаметными действиями, и

повторяют его так, словно исполняют навязанный кем-то ритуал, хотя приговор подписан их собственной рукой.

Именно здесь я сделаю необходимую терминологическую оговорку — не Фрейда, а свою, потому что дальше без неё не обойтись. Я нигде не говорю «инстинкт». Немецкое *Trieb*, которое часто переводят как «инстинкт», я всегда передаю как влечение. Разница не косметическая. Инстинкт — это биологическая, видовая, готовая программа поведения: паук плетёт паутину, не учась. А влечение — это сила, несущая в себе замысел о судьбе, а не только о поведении. Когда человек в третий раз строит одну и ту же гибельную связь, — им движет влечение, застрявшее на определённом варианте судьбы. И вот это уже вплотную подводит к моей модели, где влечение и Архетип суть одно; но об этом — в третьей части, а пока держим строгую границу и остаёмся с Фрейдом.

Что же общего во всех вариантах повторения? Фрейд выделяет черту, которую я считаю самой глубокой в его тексте, — консервативный характер влечения. Влечение, говорит он, по своей природе не рвётся вперёд, к новому и высшему, как хотелось бы думать оптимисту. Влечение консервативно: оно стремится восстановить прежнее состояние, вернуть то, что было нарушено, воспроизвести уже бывшее. Всякое влечение есть тяга к возвращению. И развитие, движение вперёд, новизна — не истинная цель влечения, а обходный путь, на который жизнь вынуждена вступить из-за внешних обстоятельств; будь его воля, влечение предпочло бы ста-

рую колею.

Вот тут, на слове «консервативный», принцип удовольствия окончательно теряет власть над картиной. Ибо если психикой правит стремление вернуть прежнее — даже когда прежнее было страданием, — то удовольствие здесь ни при чём. Правит верность былому.

Разделю голоса — коротко, потому что развилка уже видна.

Позиция Фрейда: принуждение к повторению обнаруживает консервативную природу влечения — тягу восстановить прежнее состояние; отсюда один шаг до мысли, что предельное «прежнее», к которому всё стремится, есть покой неживого (принцип нирваны).

Мой вывод: Фрейд абсолютно прав в наблюдении, но, на мой взгляд, делает из него слишком общий закон. Да, влечение, застрявшее в исчерпанной форме, консервативно и гоняет человека по кругу — это я в своей модели назову властью Нарцизма, удерживающего форму после того, как форма исчерпана. Но есть и другое повторение — повторение только что найденного, ещё непрочного нового действия, которым любая способность превращается из случайной удачи в надёжное умение. Ребёнок повторяет первые шаги не из верности лежанию, а чтобы научиться твёрдо ходить. Это повторение — не консервативное, а созидующее; оно смотрит вперёд. Фрейд, поглощённый клиникой пациентов, страдающих навязчивостями, увидел в повторении смерть. А я

утверждаю, что смерть — не в повторе как таковом, а в том, что конкретно повторяется: исчерпанное или новое. И вся разница между стагнацией (болезнью) и ростом проходит по этой тонкой грани.

Но пока мы всё ещё в границах Фрейда, а он уже занёс ногу со своим самым спорным шагом. Консервативная природа влечения ведёт его к гипотезе, от которой отшатнулись многие его ученики, — к влечению к смерти.

Глава 6. Гипотеза влечения к смерти

Эта идея Фрейда до сих пор раскалывает психоаналитиков надвое, и я прошу читателя пройти её медленно, потому что именно от точности здесь зависит, поймём ли мы, в чём я с Фрейдом расхожусь, а в чём — нет.

Описание иллюстрации: Фрейд — Шпильерейн — АМ; возвращение к неживому, распад ради Становления и освобождение возможности судьбы.

Логика Фрейда, если очистить её от осторожных оговорок, такова. Влечение консервативно; оно стремится восста-

новить прежнее состояние. Но если последовательно спрашивать «прежнее — а до него какое? а ещё раньше?», мысль катится всё дальше вспять, за пределы индивидуальной жизни, за пределы рождения — к тому состоянию, из которого живое некогда возникло. А до жизни было неживое. Живая материя появилась однажды из неживой под действием каких-то сил, и с той поры, рассуждает Фрейд, в ней живёт напряжение, стремящееся упраздниться, вернуться назад, в покой неорганического. Отсюда его знаменитая, почти пугающая формула, смысл которой я передаю не как цитату: цель всякой жизни есть смерть, и каждое живое существо стремится умереть по-своему, своим путём, а не по чужому принуждению.

Так рождается гипотеза о двух великих группах влечений. С одной стороны — влечения жизни, Эрос: они связывают, объединяют, строят всё бóльшие единства, толкают живое к соединению и продолжению жизни. С другой — влечения смерти: они развязывают, расторгают связанное, стремятся вернуть организм в неживое состояние. Всякий процесс жизни, по Фрейду, есть переплетение и борьба этих двух начал. Часть влечения смерти, обращённая изнутри вовне, проявляется как агрессия, разрушение, воля к власти над другим; а направленная внутрь — как саморазрушение. И принуждение к повторению, с которого мы начали, оказывается голосом этого молчаливого, консервативного, тянущего к покою влечения.

Фрейд отдавал себе отчёт в умозрительности этого шага. Он сам называл своё построение спекуляцией, честно писал, что не знает, насколько сам в него верит, что готов пройти по этой тропе ровно настолько, насколько она ведёт к познанию, и остановиться там, где она обрывается. Интеллектуальная честность Фрейда поражает.

И здесь — исторически достоверный и важный для нашей книги факт. В своей статье Фрейд упоминает Сабину Шпильрейн. Он отмечает, что содержательную часть — идею разрушительной, деструктивной компоненты внутри влечения — до него развивала Шпильрейн в своей работе; он ссылается на неё как на предшественницу, хотя и оговаривает, что не во всём с ней согласен и что её ход рассуждения не вполне совпадает с его собственным. Я прошу читателя удержать этот факт без преувеличения и без преуменьшения. Преуменьшить — значит повторить старую несправедливость, по которой Шпильрейн десятилетиями числилась лишь смутным фоном чужих открытий. Преувеличить — значит сочинить, будто Фрейд «взял у неё всё»; этого он не делал, и я не стану приписывать истории того, чего в ней не было. Точная правда скромнее и интереснее: Фрейд, выстраивая влечение к смерти, сослался на более раннюю работу Шпильрейн о деструкции — и повёл общий материал в другую сторону, к смерти, тогда как Шпильрейн полностью концентрировалась на становлении. Об этом — вся вторая часть книги.

Теперь — самое важное разделение голосов по всей первой части. Прошу отнестись к нему как к оси книги.

Позиция Фрейда: за принуждением к повторению стоит влечение к смерти — консервативная тяга живого вернуться в неживое состояние; разрушение и агрессия суть проявления влечения к смерти, обращённые вовне.

Позиция Шпильрейн (к которой мы вскоре перейдём): разрушительная компонента влечения есть не столько тяга к смерти, сколько условие становления — распад старой индивидуальной формы, необходимый для возникновения новой.

Моя реконструкция: я не принимаю фрейдовское влечение к смерти — и не потому, что оно слишком мрачно, а потому, что оно описывает только половину события, выдавая его за всё целое. Фрейд верно увидел силу, которая разрушает связанное, разлагает форму, принуждает к покою. Но он остановился на том, что эта сила разрушает, и не спросил, что она этим освобождает. В моей модели то, что Фрейд называл влечением к смерти, ближе всего к моменту, который я называю Деструкцией, — но с одной решающей поправкой, ради которой стоило писать книгу: Деструкция сама по себе ничего не строит и ни к чему не стремится. Она не тянет к смерти и не тянет к жизни. Она освобождает возможность судьбы — и на этом её роль кончается. Дальше всё решает не влечение, а проект, Мера и поступок. Приписать освобождённой энергии собственную волю — к смерти ли, к жизни

ли — значит вернуть в психику мифологического демона, независимо от того, тёмный он или светлый. Я этого демона из модели убираю. Но чтобы убрать честно, надо сначала назвать по именам то, что Фрейд свалил вместе, — и этому посвящена следующая, итоговая глава первой части.

Глава 7. Четыре слова, которые путать нельзя

Когда о разрушении говорят на бытовом языке, все грозные слова сливаются в одно тёмное пятно: рушится — значит гибнет, и точка. Психоанализ уже разделил это пятно надвое, введя влечение к смерти. Архетипическая Метapsихология требует разделить его на четыре, потому что под одним пятном скрыты четыре совершенно разных явления, и вся терапевтическая работа, вся судьба человека зависит от того, различает ли он их. Назову их и разведу.

Описание изображения: 4 белокаменные арки со сценами разрушения, агрессии, навязчивого повторения и Деструкции.

Разрушение — это факт распада без всякого отношения к смыслу и цели. Стена обвалилась, связь оборвалась, привычка отказала. Разрушение нейтрально: оно может быть началом беды или началом освобождения — само по себе оно не знает, чем станет. Ошибка бытового мышления в том, что оно наделяет всякое разрушение знаком минус. А ошибка романтического мышления — в том, что оно наделяет его знаком плюс. Я же настаиваю: разрушение как таковое не несёт никакого знака, знак ему придаёт то, что придёт после.

Агрессия — это разрушение, направленное на объект и заряженное отрицательным отношением: гневом, местью, волей к власти, желанием причинить страдание. Агрессия всегда «против кого-то» или «против чего-то». Она может быть защитной и хищной, оправданной и слепой, но её отличительная черта — наличие адресата и аффекта. Фрейд связал агрессию с влечением к смерти, обращённым вовне, и в клинике это часто верно. Но агрессия — лишь одна из масок разрушения, и путать её с Деструкцией — грубая ошибка: агрессия хочет навредить другому, а Деструкция, как мы увидим, не хочет ничего.

Навязчивое повторение — это воспроизведение уже бывшего, и мы уже знаем, что оно двулико. Есть повторение ис-

черпанного — верность старой колее, движение по кругу, то самое принуждение, в котором Фрейд услышал смерть. И есть повторение нового — упражнение, которым непрочная находка превращается в надёжную способность. Одно слово — два противоположных исхода. Смертельно не повторение, а повторение уже исчерпанного.

И, наконец, Деструкция — центральное понятие этой книги, и теперь, пройдя путём Фрейда, мы можем дать ему предварительное объяснение, которое третья часть наполнит содержанием. *Деструкция* — это распад исчерпавшей себя психической Формы судьбы, освобождающий активированную в ней энергию Архетипа-влечения. Обратите внимание на каждое слово. Распад — а не повреждение и не гибель. Исчерпавшей себя — а не любой, не цветущей, не нужной; Деструкция не покушается на живое, она устраняет мёртвое. Формы — то есть целой организации, а не отдельной детали. Освобождающий — вот её единственная функция: она не строит и не убивает, она высвобождает активированную энергию — ту силу, которую старая форма держала в плену исчерпавшего себя порядка.

Разведём эти четыре слова наглядно. Человек ушёл с работы, которая давно его опускала. Если он ушёл, хлопнув дверью и мечтая насолить начальнику, — это агрессия. Если, уйдя, он через месяц нашёл точно такое же место с похожим начальником, — это повторение исчерпанного. Если он просто оказался без работы и это факт без исхода — это по-

ка разрушение, беззнаковое. А Деструкция совершилась тогда и только тогда, когда распалась сама внутренняя форма, в которой он был обязан терпеть, — и высвободилась энергия, прежде уходившая на терпение. Заметьте: Деструкция здесь — не увольнение (это внешнее событие), а внутренний распад формы «я обязан это выносить». И заметьте главное: сама по себе она ещё ничего не дала. Освобождённая энергия может уйти в новую кабалу, в запой, в пустоту — или же в проект новой жизни. Что из этого будет — Деструкция не решает.

Теперь я готов назвать вслух то, на что теория Фрейда не даёт полного ответа, — вопрос, ради которого написана вся книга и который Фрейд, по-моему, даже не поставил в полную силу.

Фрейд блестяще описал распад: как форма разрывается травмой, как влечение консервативно тянет вспять, как психика повторяет исчерпанное. Он дал имя силе, которая развязывает связанное. Но он не описал перехода от распада к новой форме. У него влечение к смерти разлагает, влечение жизни связывает — но откуда берётся новая организация, не бывшая прежде, как из распада старого рождается небывалое, а не просто восстанавливается прежнее или наступает покой, — на это «По ту сторону принципа удовольствия» ответа не даёт. Между разложением и покоем у Фрейда нет места для творения формы. Эрос у него связывает то, что есть; он не проектирует того, чего ещё нет.

И ещё одно, что осталось у Фрейда без ответа и что для меня решает всё. У него распад и его исход безличны: влечения действуют в человеке, как силы природы, а сам человек — скорее поле для них, чем их автор. Но клиника показывает иное: из одного и того же распада один человек выходит к новой жизни, а другой — к гибели, и разницу делает не сила влечения, а поступок человека. Значит, между освобождённой энергией и новой формой стоит кто-то, кто выбирает и действует. Фрейд этого «кого-то» в свою метапсихологию не принял. А я введу — и назову его Следоходом.

Вот что упущено Фрейдом: описать творение новой формы и вернуть в психику автора поступка. С первой задачей справилась Сабина Шпильрейн, увидевшая в разрушении причину становления. А вторую задачу приходится решать Архетипической Метапсихологии. К первой задаче — к Шпильрейн — мы и переходим.

Но прежде подведём итог первой части одним абзацем, чтобы взять его с собой. Принцип удовольствия имеет предел. За ним лежит область повторения — травмирующего сна, детской игры, судьбы, идущей по кругу. За повторением Фрейд услышал консервативное влечение и назвал его влечением к смерти, сославшись при этом на более раннюю работу Шпильрейн. Мы разделили четыре слова — разрушение, агрессию, повторение, Деструкцию — и увидели, что Деструкция не убивает и не строит, а освобождает возможность судьбы. И мы назвали вопрос, оставленный Фрейдом

открытым: как из распада рождается новая форма и кто её строит? С этим вопросом переходим ко второй части.

ЧАСТЬ II. ДЕСТРУКЦИЯ КАК ПРИЧИНА СТАНОВЛЕНИЯ: ЧТО УВИДЕЛА ШПИЛЬРЕЙН

Новое начинается не с концентрации на распаде, а с понимания того, что именно должно уступить место.

Глава 8. Самостоятельность Сабины Шпильрейн

Сабину Шпильрейн десятилетиями упоминали только в примечаниях: сначала — как пациентку, затем — как эпизод в биографиях двух великих мужчин, и лишь в последнюю очередь — как автора. Моя книга отказывается от такой оптики с первой строки главы. Шпильрейн интересует меня не как чья-то предшественница, не как повод для любовной драмы и не как связующее звено между Веной и Цюрихом, а как самостоятельный теоретик, открывший мысли, которые никто до неё не обнаружил, — причём идеи её опередили Фрейда.

Описание иллюстрации: Сабина Шпильрейн - от разрушения индивидуальной формы к становлению.

Восстановим скрупулёзную и достоверную канву, не добавляя ни одной выдуманной подробности. Сабина Шпильрейн — врач и психоаналитик; её статья с недвусмысленным названием «Die Destruktion als Ursache des Werdens» — «Деструкция как причина становления» — опубликована в 1912 году. Работа Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия» вышла в 1920-м. Восемь лет разделяют эти тексты, и разделяют они их не в пользу привычной иерархии: мысль о разрушительном компоненте влечения появилась у Шпильрейн раньше, а Фрейд, как мы уже отметили, на неё сослался. Я прошу читателя удерживать эту хронологию не ради восстано-

ления чьей-то чести — хотя и это справедливо, — а потому, что она задаёт логику всей книги. Мы движемся от Фрейда к Шпильрейн, то есть от позднее сформулированной проблемы к ранее высказанной идее; аналитический маршрут здесь обратен календарю, и в этом нет никакого фокуса — есть только различие между тем, когда мысль была записана, и тем, в каком порядке её удобнее понимать.

В чём же самостоятельность Шпильрейн, если говорить строго? Не в том, что она «первой сказала об агрессии», — это было бы упрощением. Её оригинальность в направлении взгляда. Там, где почти все — и до неё, и после — видели в разрушении конец, угрозу, минус, подлежащий укрощению, она увидела важное условие. Разрушение у Шпильрейн не противостоит жизни как её враг; оно вплетено в становление жизни как его необходимая изнанка. Это не пессимизм и не оптимизм — это структурное наблюдение: чтобы возникло новое, прежнее должно уступить место, и уступка эта переживается как разрушение прежней формы. Мысль настолько же простая, насколько трудная для принятия, потому что она отнимает у нас удобное деление мира на созидательные и разрушительные силы и говорит: в живом они интегрированы.

Здесь я обязан сразу отвести два искажения, в которые легко впасть:

растворить Шпильрейн во Фрейде: сказать, что её деструкция — это, мол, ранний набросок влечения к смерти,

и тем закрыть тему. Но это неверно по существу. Влечение к смерти Фрейда обращено назад и вниз — к покою неживого, к упразднению напряжения; его вектор регрессивен. Деструкция Шпильрейн обращена вперёд — к становлению, к новому; разрушение у неё есть цена рождения, а не тяга к небытию. Это разные идеи, и та, что раньше, — светлее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.